

частного интереса в пользу государственного интереса. Но уже к середине 50-х годов модель административного социализма исчерпала свою положительную историческую роль.

Великое и непреходящее значение ленинского нэпа заключается в том, и это теперь общепризнано, что нэп – это составная и неотъемлемая часть строительства современного социализма с национальной спецификой в не-западных государствах.

Итак, история Советского Союза дала нам две трагические неудачи применения нэповской теории на практике. Но есть блестящий пример использования основных положений нэпа в новых конкретно-исторических условиях последних десятилетий XX века. Это – успешное строительство социализма с китайской спецификой в современном социалистическом Китае.¹⁸

¹ Ленин В.И. Полн. Собр. соч. Т. 44. С. 223.

² Там же. С. 296, 312.

³ На IX съезде Советов Ленин, отмечая, что военный коммунизм не мог решить задач экономического характера, тем не менее сказал: прошлый опыт «был великолепен, высок, величествен, имел всемирное значение». Там же. С. 309.

⁴ Бухарин Н.И. Три речи. М.; Л. 1926. С. 34.

⁵ Ленин В.И. Там же. С. Т. 45. С. 309, 308.

⁶ Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года. Стеногр. отчет. М. 1968. С. 310.

⁷ Там же. С. 351, 343.

⁸ Троцкий Л.Д. 1905. М. 1922 // Предисловие. С. 4.

⁹ Коммунистическая партия Советского союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1988). Т. 3. М. 1984. С. 390.

¹⁰ Там же. С. 428.

¹¹ Ленин В.И. Там же. Т. 45. С. 78

¹² Там же. С. 91.

¹³ Там же. Т. 44. С. 222

¹⁴ Ленин В.И. Полн. Там же. Т. 45. С. 387

¹⁵ Бухарин Н.И. Три речи. М. 1926. С. 67.

¹⁶ Сталин И.В. Вопросы ленинизма. 9-е изд. М. 1933. С. 127–129. См. также: Сталин И.В. Соч. М. 1947. Т. 7. С. 123–126.

¹⁷ XIV конференция РКП(б). Стеногр. отчет. М. 1925. С. 85.

¹⁸ Шевченко В.Н. Значение исторического опыта современного Китая для России и других государств-цивилизаций // Философские науки. 2016. № 8. С. 23–39.

В. Хеделер

ССЫЛКИ БУХАРИНА НА ТРУДЫ ПЛЕХАНОВА В РАБОТАХ О НЭПЕ

При подготовке новой посевной кампании после завершения гражданской войны в России отчетливо проявился конфликт между системой военного коммунизма и интересами крестьянства. Нехватка продовольствия,

натуральный продуктообмен и продрозверстка мешали росту производительных сил в промышленности и сельском хозяйстве. Следствием этого были рабочие забастовки и крестьянские восстания во многих регионах.

Такое состояние дел вызывало беспокойство у мыслящих людей в стране. Характерны два утопических рассказа – один принадлежит Чапанову, второй – Замятину. Они возникли в 1920 г. – в тот же самый год, что и «Экономика переходного периода» Бухарина. Авторы доводили до логического конца бухаринские идеи и констатировали невозможность дальнейшего продолжения такой экономической политики. В своих рассказах они исходили обострения ситуации, чреватой свержением рабочей власти крестьянами. Чапанов видел крестьянскую революцию в 1932 году, Замятин – «великую 200-летнюю войну» между городом и деревней.

Бухарин конструировал иную модель будущего, которую называл «великим строительством». Она должна была сменить изначальную перспективу советизации Западной и Юго-восточной Европы. При этом в «Азбуке коммунизма», в § 21 «Управление в коммунистическом строе», Бухарин развивал опирался на представления о будущем Богданова. «Главное руководство будет лежать в разного родасчетных конторах, или статистических (вычислительных) бюро. Там будет изо дня в день вестись учет всему производству и потребностям производства; будет указываться также, куда нужно добавить рабочие руки, откуда убавить, сколько работать. И так как все будет с детства привычны к общему труду и понимать, что он нужен и что жить всего легче, когда все идет по рассчитанному плану как по маслу, то все и работают, смотря по указаниям этих вычислительных бюро»¹.

У Богданова в «Красной звезде» речь шла о расчетном центре, собирающем хозяйственные данные: «Цифры меняются каждый час, в течении часа несколько тысяч человек успели заявить о своём желании перейти с одних работ на другие. Центральный статистический механизм все время отмечает это, и каждый час электрическая передача разносит его сообщения повсюду»².

Бухарин размышлял так же, как и Ленин, который говорил на X Партконференции в мае 1921 г., что НЭП вводится всерьез и надолго. Экономическая политика периода военного коммунизма для него не являлась фактором развития производительных сил. Его представления были связаны с индустриализацией и включением личного интереса. Решения X Съезда РКП(б), прежде всего принятое 15 марта 1921 г. решение о замете продрозверстки продналогом, ставшем символом отказа от военного коммунизма, являлись давно назревшим поворотом в экономической политике. Но новая линия не сразу была понята во всех своих последствиях. Первоначальная ориентация на потребности обороны от внешних врагов, вызванная крайней нуждой, разрухой и войной, и временные меры военного коммунизма

во время интервенции и гражданской войны воспринимались массами как единственный шанс для выживания. В массовом сознании сформировался образ «осажденной крепости». Многие большевики видели в такой ситуации нормальность, она казалась им «универсальной формой политики».

«Азбука Коммунизма» Бухарина осталась незавершенной. Серьезная критика соратников побудила его остановить работу над книгой и больше не заниматься ее переизданием. Некоторые мысли, идущие в этом направлении, можно встретить в многочисленных статьях, а также в «Послесловии» к немецкому изданию «Экономики переходного периода», опубликованной в 1922 г. В нем Бухарин характеризовал НЭП как «новое направление в экономической политике, которое впервые соединяет в правильное экономическое отношение социализированную индустрию, мелкобуржуазное хозяйство, частнокапиталистическое предпринимательство и «смешанные» предприятия». Он обозначил такой курс как «специфически русский поворот, главной предпосылкой которого является крестьянско-аграрный характер страны»³.

Появление русского издания этой книги в 1920 г. породило острую и продолжавшуюся более двух лет дискуссию среди советских и иностранных марксистов, которая в 1921 г. достигла своего апогея и на время замерла. Большинство советских критиков отвергали книгу как «детище военного коммунизма». Бухарин не подверг анализу сферу действия таких понятий, как товар, ценность и деньги, а просто отверг их, сразу же поставив на место товара и регулирующих механизмов рынка «сознательный общественный регулятор», а на место товарообмена – продуктообмен.

К числу самых значительных и программных работ, базирующихся на «Экономике», относится статья «Новый курс экономической политики», появившаяся в августе 1921 г. В ней Бухарин развил идеи, с которыми он выступал на 10 съезде РКП(б). Отталкиваясь от «Экономики», он так сформулировал цель статьи: дать интерпретацию общего смысла нэпа и обрисовать общую перспективу развития народного хозяйства в направлении коммунизма. Исходя из положения, что «равновесие» между городом и деревней во время военного коммунизма не было нормальным и экономическая политика той эпохи не ориентировалась на развитие производительных сил, Бухарин, так же как и Ленин, видел в НЭПе политику, рассчитанную на длительный период, как «новую на несколько лет рассчитанную стратегическую операцию пролетариата на экономическом фронте»⁴.

При анализе экономических причин НЭПа Бухарин не ограничивался перечислением проявлений кризиса 1921 г., он вел его дальше, вплоть до раскрытия движущих сил экономического развития: индивидуальный производитель в деревне, равно как и промышленный рабочий, как звучал его главный тезис, не имеет стимулов к производительному труду. Напротив, он не хочет расширять производства, он теряет интерес к повышению

производительности труда. На место революционного насилия как главной движущей силы общественного развития были поставлены труд и основанная на нем проблематика интересов и потребностей. Насилие и административное давление оказались неподходящими стимулами для повышения производительности труда. Это было ясно Бухарину.

Речь шла о том, чтобы наполнить новой жизнью разрушенную личную и групповую заинтересованность в результатах своего труда. Такой поворот означал укрепление позиций середняка в деревне. Бухарин отказался от еще одного тезиса «Экономики» – тезиса о значении внеэкономического принуждения. Тем самым он вновь обратился к теме социальной структуры – к пониманию крестьянства как класса, его отдельных слоев, разнообразия форм производства – о чем он писал в 1913/1914 гг., и что исчезло из его работ в годы Первой мировой войны. Опираясь на «Капитал» Маркса, Бухарин пытался объяснить ход общественного развития исключительно через классовую борьбу капиталистов и пролетариев. Крестьянство он не рассматривал как отдельный класс, поскольку в условиях капитализма оно постоянно распадается. В «Азбуке коммунизма» крестьянин-середняк выступает в роли «маятника» между двумя главными классами, и лишь в «Экономике» он приобретает твердые социальные контуры.

Бухарин выступал за то, чтобы из развития этой сферы изымались средства, необходимые для создания тяжелой промышленности, поскольку считал главной задачей экономической политики развитие производительных сил на основе крупной индустрии. В то время как такие теоретики, как Плеханов, Деборин и Лукач, являвшиеся учениками классической немецкой философии, подчеркивали диалектику как метод и отказывались от системных конструкций, другие теоретики, в том числе Богданов и Бухарин, которые пришли к марксизму из естественных наук или политической экономии, предпочитали системный анализ.

После того, как острая дискуссия вокруг «*Экономики переходного периода*», в которой летом 1921 г. участвовали советские обществоведы и партийные функционеры, постепенно пошла на спад, появилась новая книга Бухарина, «Теория исторического материализма». Следует отметить, что Бухарин не был слепым последователем механистов, выбрасывавших за борт философию, считая, что ее заменит «тектология», как это делал его учитель Богданов. Его попытка перевести диалектику Гегеля на язык механики привлек к возникновению «теории подвижного равновесия». Заметная в «*Экономике переходного периода*» параллельность взглядов Богданова и Бухарина вряд ли может быть перенесена на книгу «Теория исторического материализма». Бухарин открыл для себя Плеханова.

В этой связи особенно показательным его обращение к работе Плеханова «*Основные вопросы марксизма*». Бухарин опирался на плехановские выво-

ды о равновесии и организации реального общества, а также на его утверждение, что при помощи так называемой пятичленной формулы (благодаря которой можно было увязать появление определенной идеологии из уровня развития производительных сил) можно установить причинно-следственные связи между звеньями одной цепи.

Как «*Экономика переходного периода*», так и «Теория исторического материализма» стали предметом острых дискуссий в кругу партийных функционеров. Но на исследование академических философов они не оказали никакого влияния. Представители «буржуазной профессуры», участвовавшие в этой дискуссии, вскоре были высланы из страны. Другие, такие как Чайнов, смогли остаться в России, но предпочитали молчать. Бухарин и в этом случае пытался оживить дискуссию, отвечая своим критиком, но не смог придать ей позитивного звучания.

Исходя из признания практического значения общественных наук, он предложил собственные разработки, касающиеся закономерности общественного развития, соотношения необходимости, свободы воли и случайности. Развивая анализ категории «противоречие», он прилагал их к процессам, происходящим как в самом обществе, так и в его отношении с природой. «Теория исторического материализма» заканчивается перспективой бесклассового общества будущего.

Эта глава содержит выводы относительно классового сознания, классового интереса и классовой психологии, а также идеологии. При разборе данных тем становится очевидной опора на Плеханова, на предложенную им в работе «Основные вопросы марксизма», пятичленную формулу: «1. Состояние производительных сил; 2. Обусловленные ими экономические отношения. 3. Социально-политический строй, выросший на данной экономической «основе». 4. Определяемая частью непосредственно экономией, а частью всем выросшим на ней социально-политическим строем психика общественного человека. 5. Различные идеологии, отражающие в себе свойства этой психики».⁵

Бухарин опирался на выводы Плеханова о равновесии и организации реального общества, а также на утверждение, что при помощи этой формулы можно установить причинно-следственные связи между различными звеньями цепи, не впадая в ограниченность и односторонность. Связующим звеном между той частью книги, в которой было представлено практическое значение общественных наук, и той частью, в которой разбирались вопросы общественной диалектики, является третья глава, озаглавленная «Диалектический материализм».

Бухарин начинает ее замечаниями, касающимися основного вопроса философии. Сведение связи между материальным и идеальным к вопросу о вещественном и духовном нашло свое отражение в тезисе о том, что

духовная жизнь общества является функцией его производительных сил (или, говоря словами Маркса, идеальное есть материальное, перенесенное в голову человека).

Исходя из общей предпосылки, согласно которой человек является частью природы, Бухарин выделяет и анализирует исторически предопределенные периоды общественного развития. Его внутренние противоречия и связанные с ним диалектические скачки воспринимаются как движущие силы общественного развития, опосредованные окружающей средой. Определяя обмен веществ как перекачку материальной энергии из природы в общество, Бухарин оставался на абстрактном уровне представлений об общественном труде как условии существования человека, независимом от всех форм общества. Производительные силы, сводившиеся к технике, выступают в роли показателя степени приспособления общества к природе. Бухарин обходит диалектику производительных сил и производственных отношений, отказывается от комментирования замечаний Маркса об «отправной точке политической экономии».

К этому моменту становление Бухарина как обществоведа уже произошло. Его деятельность в качестве члена Социалистической академии была повсеместно признана. До мая 1919 г. он работал в комиссии по истории мировой войны. Он читал лекции об империализме как высшей стадии капитализма. По приглашению Рязанова Бухарин принимал участие в переводе экономических трудов Маркса и Энгельса на русский язык. Он регулярно занимался анализом «Политической экономии рантье», а также вопросом о крахе империализма и предпосылках коммунистического строительства. В 1922–1923 гг. Бухарин вместе с Дебориным вел семинар в рамках курса диалектического материализма, а со Скворцовым-Степановым – семинар по изучению марксова «Капитала».

Первоначально эти ученые обеспечивали «трансфер теории» из Западной Европы в Россию. Так, для Рязанова и Бухарина являлось само собой разумеющимся, что в теоретическом журнале «Спутник коммуниста», выходившем в Москве, печатались в русском переводе работы таких «австромарксистов», как Реннер и Виктор Адлер. Во время одного из своих семинаров он аргументировал свою позицию следующим образом: он спорил с теми из своих оппонентов, которые нападали на его изложение диалектики в «Теории исторического материализма», ссылаясь на «Возрастные письма» («Altersbriefe») Энгельса.

Бухарин выражал сожаление, что, в отличие от зарубежных марксистов, в его стране можно найти лишь «второразрядных критиков». Он имел в виду «диалектиков» В. Сарабьянова и С. Гоникмана, доводы которых нельзя было игнорировать. Их статьи были приняты в №3 номер журнала «Под знаменем марксизма» (1922), где была помещена работа Ленина

«О значении воинствующего материализма», а главным редактором выступил Деборин.

Оба критика были согласны в том, что Бухарин в своей книге об историческом материализме сделал шаг вперед. Но для читателя, который хотел бы освоить основы марксизма, она не подходит, поскольку она скорее уводит от Маркса, нежели подводит к нему.

В рецензиях, появившихся за рубежом, мнения разделились: в то время как Тальгеймер и Лукач упрекнули Бухарина в незнании диалектики и возврату к механическому материализму, в его защиту выступили Фгарази, Кон и еще один автор, который скрылся под псевдонимом «не-ревизионист». Рецензент, подписавшийся как «сторонник Плеханова», вообще выступил против отождествления исторического материализма и социологии.

Лишь позже, в 1929 г., когда обостряются споры Бухарина и сталинского большинства ЦК вокруг методов социалистического строительства, Бухарина упрекнули в том, что на самом деле именно он был главным мыслителем и творцом механистической теории. Скворцов-Степанов и Богданов умерли в 1928 г. и уже не могли ничего возразить по этому поводу. Деборин предпочел промолчать.

Не всем российским марксистам было ясно, что строительство фундамента социалистической экономики следовало начать по-новому. Еще в начале 1923 г. Ленин в своей работе «О кооперации» выступил против тех, кто фантазировал о всевозможных рабочих союзах, создаваемых для строительства социализма. Напротив, он требовал так учиться практическому строительству социализма, чтобы каждый мелкий крестьянин мог принять участие в этом процессе. Он подчеркнул в очередной раз, что представления о социализме по сравнению со временем, когда речь шла о захвате власти, радикально изменились, теперь акцент должен быть перенесен на мирную организационную «культурную» работу.

Сталинская критика, защищавшая такой подход большевиков, была напрямую направлена против Бухарина. Когда в 1928–1929 гг. генеральный секретарь в рамках дебатов о плане первой пятилетки выступил против «правых», группировавшихся вокруг Бухарина, обвиняя их в капитулянтстве перед капитализмом, непоследовательности и уступчивости по отношению к кулачеству, он опирался на Ленина. На пике «военного коммунизма» Ленин прочитал «Экономику переходного периода» Бухарина и снабдил ее многочисленными пометками.

Одной из выдающихся глав книги он посчитал часть, посвященную «внеэкономическому принуждению по отношению к крестьянству». Один из критиков заметил, что на этом пути – на пути принудительного труда и репрессий – не мог возникнуть «новый человек», о котором постоянно говорил Бухарин. Пришло время отказаться от безмерного преклонения

перед насилием, характерного для военного коммунизма. Ленин также вскоре отказался от такого подхода, который, как известно, он никогда не абсолютизировал и не превращал во всеобщий закон социалистического строительства и вопреки мнению большинства делегатов партийного съезда в 1921 г. ввел политику нэпа, сменившего военный коммунизм.

Сталин напомнил «капитулянту» Бухарину в конце 20-х гг. именно об этом превознесении «внеэкономического принуждения», когда он сам настаивал на использовании уголовного преследования крестьян, чтобы дискредитировать в глазах членов партии Бухарина, одного из его главных критиков, как «антиленинца», и таким образом разрушить сложившийся вокруг него образ «любимца партии».

¹ Бухарин Н., Преображенский Е. Азбука Коммунизма. М. 1920. С 59–60

² Богданов А. Красная звезда // А. Богданов. Праздник бессмертия. СПб. 2014. С. 85

³ Bucharin N. Ökonomik der Transformationsperiode. Berlin. 1990. S. 253.

⁴ Bucharin N. Die Neuorientierung in der ökonomischen Politik // Die Russische Korrespondenz. 7–9 1921. S. 671.

⁵ Плеханов Г.В. Основные вопросы марксизма // Г. В. Плеханов. Избр. филос. произведения. Т. 3. М. 1957. С. 179–180.

В.В. Калашников

«КОРЕННАЯ ПЕРЕМЕНА» ВЗГЛЯДА НА СОЦИАЛИЗМ: В ЧЕМ ОНА?

Один из последних тезисов В.И. Ленина о необходимости «коренной перемены всей точки зрения нашей на социализм» понимается и трактуется автором как принятие Лениным крестьянского кооперативного уклада и товарно-денежных отношений в качестве составных черт экономики социализма

The latest thesis of V.I. Lenin on the “radical modification in our whole outlook on socialism” is understood and revealed as acceptance of peasant cooperative economy and commodity-money relations as a proper feature of socialist economy.

Как известно, слова о «коренной перемене» точки зрения на социализм Ленин продиктовал 4–6 января 1923 г. в Горках в заметках «О кооперации», которые были в мае переданы Н.К. Крупской в ЦК ВКП(б) и вскоре опубликованы в «Правде» в виде статьи «О кооперации». Эта статья является одной из серии последних статей и заметок, написанных Лениным, которые Н.И. Бухарин назвал «политическим завещанием». Важно отметить, что все эти работы взаимосвязаны и дополняют друг друга, поскольку посвящены одной главной проблеме: что делать дальше, как строить социализм в отсталой России в условиях очевидной задержки социалистической революции в Европе.